

RU

Ранняя самоидентификационная модель когнитивно-прагматической программы К. Кинчева: «пророк героической квазирелигии»

Иванов Д. И.

Аннотация. Цель исследования - определить особенности ранней самоидентификационной модели когнитивно-прагматической программы (КПП) К. Кинчева. Научная новизна заключается в том, что в работе впервые показано, как в данной модели проявляются черты деструктивно-симулятивной «героической квазирелигии». Полученные результаты показали, что конструктивно-деструктивная природа самоидентификационной модели Кинчева продуцирует не духовное возрождение личности, а «квазирелигию», в основе которой лежат принципы внутреннего самоподавления и самоотрицания. В итоге в сознании рок-поэта возникает неустойчивая система симулятивных «копий» («герой», «бунтарь», «шаман», «экспериментатор», «антихрист», «кукловод», «мегазвезда» и пр.).

EN

Early Self-Identification Model of K. Kinchev's Cognitive-Pragmatic Programme: "Prophet of Heroic Quasi-Religion"

Ivanov D. I.

Abstract. The study aims to determine features of the early self-identification model of K. Kinchev's cognitive-pragmatic programme. The paper is novel in that it is the first to show how features of destructive and simulative "heroic quasi-religion" manifest themselves in this model. The attained results have shown that constructive and destructive nature of Kinchev's self-identification model produces not a person's spiritual rebirth but "quasi-religion" based on principles of internal self-suppression and self-denial. As a result, an unstable system of simulated "copies" ("hero", "rebel", "shaman", "experimenter", "anti-christ", "puppeteer", "megastar", etc.) emerges in the rock poet's consciousness.

Введение

Предлагаемое исследование выполнено в рамках активно развивающейся в настоящее время антропоцентрической парадигмы, в пространстве которой особую актуализацию получают лингвокультурологические, когнитивные и семиотические исследования, направленные на поиск и разработку комплексной методологии анализа системы «личность (креативный субъект (субъект-источник – субъект-интерпретатор)) – язык – дискурс». Проведение данного исследования позволит показать, что целевой, самоидентификационный и операционально-инструментальный ракурсы самоопределения креативного субъекта (рок-поэта) являются частью единой когнитивно-прагматической программы (КПП), в которой личность художника, поэтический (синтетический) текст и механизмы его восприятия/интерпретации неразрывно связаны между собой. Предметом данного исследования является творчество К. Кинчева («Алиса») – одно из самых ярких явлений отечественной рок-культуры. Оно хорошо известно поклонникам, однако практически не изучено в когнитивно-прагматическом плане. Все это обеспечивает актуальность нашего исследования.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) определить ключевые характеристики когнитивно-прагматической программы К. Кинчева, при этом обрисовав ее специфичность; 2) охарактеризовать неустойчивость и деструктивность смеси «воинствующего атеизма», богоискательства и гордыни в раннем самоопределении; 3) дать характеристику симулятивной модели «лидера-пророка» «героической квазирелигии».

Успешное решение данных задач базируется на авторском междисциплинарном подходе, синтезирующем в себе широкий спектр лингвокультурологических и социокогнитивных методов исследования. Теоретико-методологической основой является ставший предметом нескольких монографий [8] авторский комплекс концепций СЯЛ/КПП, где СЯЛ (синтетическая языковая личность) есть семиотически понимаемый *текст субъекта в культуре* (субъект как текст), а КПП (когнитивно-прагматическая программа) – опорная система когнитивно-прагматических установок, выступающих в качестве концептуальной матрицы любой содержательной человеческой деятельности (семиотически прочитываемой как текст).

Теоретическую базу исследования составляют: а) работы Н. Барановской [3], посвященные жизни и творчеству К. Кинчева; б) статьи по теологической природе квазирелигии (К. А. Колкунова [13]); феномену пророчества и духовной культуре общества (Л. М. Дмитриева и В. Я. Лалуев [6]); в) труды Д. Бьюдженталь [4], О. С. Джафаровой [5], в которых рассматривается психологическая проблематика творческого самовыражения личности; г) работы в области когнитивной семиотики личности/текста/дискурса [8].

Практическая значимость работы заключается в ее вкладе в систематическое многоаспектное изучение творческой личности рок-поэта и дискурсивного пространства русской рок-культуры. Результаты исследования будут востребованы в рамках разработки спецкурсов по изучению русской рок-поэзии и лингвокультурологическому, социокогнитивному анализу поэтических и синтетических текстов современной культуры.

Двойственность как базовый принцип моделирования когнитивно-прагматической программы К. Кинчева

Русский рок-поэт (имеется в виду субъект-логоцентрик, сформировавшийся в «героическую» эпоху 1980-х) – «это романтический по типуажу герой, пророк, “шаман”, бросающий бескомпромиссный по духу и глобальный по сути вызов “системе”, борец за духовную свободу. Он нередко абсолютизирует свое когнитивное целеполагание, игнорирует неизбежные противоречия – до тех пор, пока не попадает в тупик» [7, с. 207]. КПП Кинчева в полном соответствии с «духом времени» моделируется на основе синтеза двух противоположных, но взаимосвязанных начал: а) конструктивного – *возрождение русской национальной идеи и «потерянных» духовных идеалов* («миф-освобождение»); б) деструктивного – *разрушение тоталитарной машины подавления личности*, – при этом двойственная природа цели поначалу не осознается субъектом-источником КПП, так как конструктивное содержание первой части цели блокирует деструктивные импульсы. В результате разрушение воспринимается им как лучший путь возрождения духовных идеалов. Эти установки («разбудить», «разрушить», «преодолеть и стать свободным» и т.п.) на рубеже 1980-1990-х годов преобладают («Но если ты вдруг увидишь мои глаза в своем окне, / Знай, / Я пришел помешать тебе спать!»; «Распряплюсь пружиной, / Подниму народ, / Вольная дружина / Собралась в поход»; «Быть может, я картонный герой, / Но я принимаю бой» [12]).

Ключевая характеристика когнитивного сознания К. Кинчева – двойственность, проявляющаяся как единство и борьба конструктивного/позитивного («красная» зона сознания (КПП)) и деструктивного/негативного («черная» зона) начал: «Черно-красный мой цвет, / Но он выбран, увы, не мной. / Кто-то очень похожий на стены / Давит меня собой» [Там же]). Так Кинчев пытается визуализировать сущностные характеристики своего сознания, основанного на борьбе «бесовского» и «божественного», – но долго не осознает, что его «героическая» модель КПП, «оформляющая стремление протестно, контрсуггестивно преодолеть негативную позднесоветскую идентичность, в действительности является опытом бессмысленного саморазрушительного бунта» [7, с. 208].

Неразличение Бога и дьявола («великого шулера», по признанию самого рок-поэта) приводит к тому, что К. Кинчев начинает звать к «Духу огня / Хранителю хоровода рук». Без него «движение вперед» больше невозможно («нам не начать без тебя»), но выбранный поэтом «перестроечный» политический лидер-«поводырь» («Хранитель хоровода рук») – еще одна искаженная субъективированная форма-копия «системы». Голоса героя-поэта-пророка и «Хранителя хоровода рук» сливаются: «Я тебе разрешаю все. / Делай все, что хочешь, / Только – хорошо. / Твои права – мой закон, / Я – твой слуга, ты – мой гегемон. / Мы с тобой будем дружно жить. / Ты – работать. Я – руководить. / Великий перелом. Новый почин. / Перестройка – дело умных мужчин» [12].

Цель – популяризировать революционно-гуманистическую идею социально-политического/социокультурного/духовно-нравственного «преображения-спасения» мира и человека и превратить ее в своеобразный квазирелигиозный (т.е. несущий «на себе печать деструктивной псевдоуниверсальности», перерастающей в «аффективный фанатизм» [13, с. 66]) атеистический культ, лидером которого является «новый гегемон» («Он проходит сквозь нас, подчиняя нас себе, / Возможно, в этом его помощь тебе и мне, / Ведь он стоит тверже, а стало быть, прав, / Но всегда ли тот прав, у кого больше прав? / Как ни странно, этот вопрос / Занимает меня всерьез. / Я слегка озадачен, немного смущен, / Но сейчас его время, и игру ведет он. / Атеист!» [12]).

«Воинствующий атеизм» как форма «симулятивной самоидентификации» личности К. Кинчева

«Воинствующий атеизм» – это специфическое состояние «героического» сознания К. Кинчева, воплощенное в одной из многочисленных симулятивных самоидентификационных проекций «сущностного я» героя-поэта (пророка – лидера – диктатора – «нового гегемона»). С одной стороны, атеизм – это подсознательное

стремление к абсолютной свободе, деструктивный акт самоотречения от Бога; с другой – симулятивно-деструктивный когнитивно-ментальный механизм «превознесения» своей самости (архетип целостности. «Самость как объединяющий принцип в области человеческой психики занимает центральное место в управлении психической жизнью и поэтому является высшей властью в судьбе индивида» [5, р. 63]), провозглашения себя «новым пророком»-«спасителем» («Он каждому шепчет: “Ты”, и каждый орет: “Мне!” / В самости по шею, по глаза в г... / Три шестерки на семи понтах, / Землю распатронули в пух и прах» [12]). Причем К. Кинчев отдает себе отчет в том, что сила, которая позволяет ему «стоять тверже» и «быть правым», ему не принадлежит: «Но всегда ли тот прав, у кого больше прав?». Соответственно, она стихийна и бесконтрольна, но парадоксальным образом сохраняет непреодолимый внутренний импульс богоискательства, которое является одним из базовых механизмов самопознания. Д. Бьюдженталь замечает: «Все мы ищем Бога, все. Атеисты и агностики не меньше, чем богомольцы. Мы можем отказаться от этого поиска не больше, чем остановить поток нашего сознания. <...> Я верю в то, что поиск Бога совпадает с глубочайшими стремлениями человека к его собственному бытию» [4, с. 89]. При этом функция данной силы определяется автоматизированным негативным механизмом самоподавления сознания поэта («Он проходит сквозь нас, подчиняя нас себе»), которое К. Кинчев первоначально воспринимает как конструктивный процесс нейтрализации когнитивно-ментальных противоречий своего «сущностного я».

В реальности источником силы является «дьявол» (демоническая проекция личности поэта). Его появление обусловлено актом отречения от Бога. Псевдогармонизационная установка («Там ничего нет, есть только здесь»), которая якобы блокирует двойственность сознания К. Кинчева, принадлежит «дьяволу» (наличие демонического цифрового кода – «Но я позволю вам напомнить, что есть еще шесть» [12]). Таким образом, «воинствующий атеизм» К. Кинчева – это двойственный процесс, построенный: а) на отречении от Господа и принятии дьявола («Но сейчас его время, и игру ведет он»); б) на сомнениях, самообмане, самоуничтожении и превознесении «своего» «я», отождествлении себя с «Богом». Принципиально, что, отрицая Бога, К. Кинчев принимает его как внеположную миру субъективную установку, в основе которой лежит объяснение жизни. Однако установка эта предельно персонифицируется и «присваивается» поэтом, что приводит к ее искажению. Он начинает воспринимать ее как собственную, оригинальную концептуально-смысловую модель конструирования своего «сущностного я». В рамках этой деструктивной модели целостность самоидентификационной стратегии К. Кинчева разрушается, поскольку в его сознании одновременно формируется множество наслаивающихся друг на друга иллюзорно-симулятивных проекций «сущностного я». К основным относятся «Воинствующий атеист», «Бог», «Дьявол-Демон-Антихрист», «Пророк», «Кукловод-Мегазвезда», «Культовый герой» (см. слова журналиста О. Кушанавили: «Перед нами сидит единственный культовый персонаж в стране... На западе даже, светлой памяти, К. Кобейн был превознесен до уровня “культа” с помощью огромной “машины” шоу-бизнеса... А мы видим перед собой человека, который не прилагал усилий, чтобы стать “культом”, а стал им...» [1]).

Переход от самоидентификаций к самоподавлению/самоотрицанию: поиски «себя-вне-себя»

Процесс самоидентификации личности превращается в череду бессмысленных и безрезультатных инстинктивно-импульсных попыток самоотождествления себя с той или иной симулятивной копией. Причем доминирующую (контактоустанавливающую) функцию в данном случае выполняет не «сущностное я» К. Кинчева, а «саморазрушающаяся система» «чужих» симулятивных проекций, контролирующая сознание поэта. Сущность реализации деструктивного контроля над сознанием К. Кинчева заключается в том, что он безоговорочно принимает путь «слепой борьбы с самим собой», воспринимая его как высшую форму «свободы-воли», «надежды-отчаяния», «любви-ненависти» и «веры-безверия»: «Смотри, как рушится мир... Каждый роет свое себе, / Личной совестью выжит стыд. / Для напора в слепой борьбе / Кукловодам открыт кредит. / Загребаям ковшами жар, / Да без меры стрижем с куста, / А над этим ползет пожар – Антихрист – мегазвезда» [12].

Всё это порождает парадоксальную ситуацию. С одной стороны, К. Кинчев стремится любым способом (даже ценой самоуничтожения) завершить процесс «духовной самоидентификации», а именно установить связь и повысить степень когнитивно-ментального соответствия с «системой» ложных проекций «своего» «сущностного я» и отождествить себя с ней (найти «себя-в-других» / «себя-вне-себя»). С другой – каждая очередная такая операция превращается в деструктивный механизм самоотрицания. Важно, что оба процесса так и остаются незавершенными. Неспособность достичь абсолютной «самоидентификационной тождественности» (внутренней гармонии) / абсолютного «самоидентификационного отрицания» (тотального самоуничтожения) закономерно приводит к нейтрализации этих процессов. Постепенно их место занимает «внутренняя пустота», ключевым компонентом которой становится симулятивно-аффективное состояние «отсутствия себя-в-себе», переходящее в «присутствие себя-в-других»: «Пламенем свечи / Теплится душа. / Время, словно воск, / Тает не спеша. / А думы на душе / Не веселье, / Грешные дела, / Ночи темные. <...> Сколько нас таких / Нераскаянных, / Гордых, да лихих, / Неприкаянных. / Заливаем боль, / Жжем целковые, / Братья во Христе, / Бестолковые» [Там же].

Характерна когнитивно-ментальная интерпретация личности К. Кинчева и творчества «Алисы», предложенная писателем и художником В. Шинкаревым (группа художников «Митьки»): «Вот перед нами побоище новой квазицеркви (показывает кистью на фрагмент картины, изображающей драку фанатов “Алисы” после концерта). Это квазицерковь с совершенно развитым культом. <...> На картине зафиксирован процесс “выхода

народа из храма” (в центре картины изображено здание стадиона, из которого выходит толпа фанатов группы “Алиса”)... Когда я стоял в этом зале и видел сотни знамен черно-красных, безусловно, я тоже орал “мы вместе!”, хотя и не осознавал этого. Кинчев кричит: “Мы вместе!” – и протягивает микрофон в зал. Это опять же атрибут квазирелигии. Здесь возникает прямая аналогия: “Христос Воскрес” – говорит священник, обращаясь к залу, – “Воистину Воскрес” – отвечают ему все присутствующие. То же самое делает и Кинчев» [10].

Показательна беседа Н. Барановской с К. Кинчевым: «Н.Б.: Тебя не пугает, что те, кто приходит на ваши концерты, воспринимают тебя не просто как певца, но и как человека, от которого ждут ответов на самые трудные и больные вопросы? К.К.: Невозможно навязать себя в учителя кому бы то ни было. Люди сами выбирают себе учителей в жизни. Н.Б.: Тем не менее поёшь: “Если ты веришь мне, ты пойдешь за мной...” К.К.: Не “за мной”, а “со мной” я пою. То есть на равных. Я предлагаю идти всем вместе...» [3, с. 96]. Но дело в том, что концептуально-смысловое содержание фраз «иди со мной» / «иди за мной» в сознании субъекта-интерпретатора отождествляется. Тот, кто решается «остаться собой» и идти с К. Кинчевым, автоматически начинает следовать за ним, так как, безоговорочно принимая принципы КПП героя-пророка-Кинчева, попадает в поле ее когнитивно-ментальной активности. Возникает особое культовое движение, которое сам К. Кинчев называет «культурной сектой»: «Мы ведь в плане, конечно же, не религиозном, упаси Господи, а в культурном, абсолютнейшая “секта”. Мы “секта”. <...> У нас есть движение, у нас есть “алисомания”. Редкие группы могут этим похвастаться, а у нас это получилось» [2].

Переход от самоотрицания к «деструктивному квазирелигиозному самообожествлению»

К. Кинчев, утверждая свой когнитивно-ментальный статус лидера-пророка, в глубине души осознает: любое уподобление себя Богу, воплощенное в сознательном конструировании «героического» мифа о себе, – это самообман, неизбежно приводящий к саморазрушению: «Когда человек сравнивает себя с Богом, его сознанием полностью завладевает дьявол рогатый. Это он шепчет на ухо, что ты созвучен Господу, что ты сам ничуть не хуже...» [9]. Но осознание этого факта в рамках контркультурной деструктивно-героической версии КПП носит условно-ментальный характер, так как противоречит поведению и поступкам поэта. Показателен фрагмент беседы К. Кинчева и И. Легостаева, ведущего программы «Акулы пера»: «И. Л.: За свою карьеру у вас появилась целая армия поклонников, которая так и называется – “Армия Алисы”. Это люди, для которых ваша музыка стала настоящим смыслом жизни. <...> К. К.: <...> Если так воспринимают, действительно, мое слово, то нужно своим образом жизни подтверждать то, что я все-таки иду в сторону света, а не наоборот. Хотя всей жизнью своей я показываю как раз обратный пример. Всё очень сложно и очень запутанно... Это достаточно печальная тема» [1].

Дело в том, что первая самоидентификационная модель, в которой Кинчев, опираясь на искусственно созданные симулятивно-игровые («Участник программы “Рок-урок”: У вас есть армия своя, у вас есть газета своя... Вы не слишком много вещей придумали вокруг своих песен и альбомов? К. К.: А мне так весело... Это мой прикол... Никто мне не может запретить жить так, как я хочу...» [11]) принципы ролевого самоутверждения, провозглашал себя пророком нового поколения, изначально воспринималась самим поэтом как некое «достижение», высшая (предельная) точка («самоидентификационный пик»), достижение которой позволит К. Кинчеву «наделить» «свою» программу метанарративным (универсальным) статусом. В определенный момент поэт закономерно теряет эту уверенность, но всё равно продолжает следовать «установленным» правилам игры – и становится инструментом тотальной игры в того, кем он в действительности не является. Причем игра эта, в которой зачастую внутреннее, живое, сущностное, естественное подменяется внешним, напускным (высокомерием, нарочитым псевдоконструктивным героическим пафосом, самолюбованием и т.д.), начинает подчинять себе сознание поэта, но отказаться от ложного статуса («Где пророки беспечны и легковёрны, как зеркала, / Где сортир почитают за храм, – там иду я» [12]) крайне трудно: «Участник программы “Рок-урок”: Вы посмотрите, сколько пришло ваших поклонников... К. К.: Это ритуал... Те, кто считают себя “алисоманами”, они посвящены в ритуал, они избранные... Кроме “алисомании”, была еще “киномания”, и всё... Нет других таких коллективов... “Алиса” – это не четыре человека на сцене... Нас значительно больше... Я получаю от этого огромный кайф» [11].

КПП К. Кинчева, претендующая на универсальный статус, постепенно превращается в саморазрушающую систему взаимосвязанных, но закономерных «программных сбоев» (ошибок). Самой главной «программной ошибкой» становится ложная (некорректная) самоидентификация – ведь, называя себя пророком, рок-поэт в действительности им не является: «Я не знаю пути к “светлому будущему”... Я сам бреду наугад, поэтому я не являюсь тем, кто знает ответы на все вопросы...» [Там же]. Истинный же пророк, прежде чем он выполнит свое предназначение, «должен *открыть* ту истину, которую понесет людям, т.е. проникнуть в мир, в котором содержится эта истина. Применительно к характеристике библейских пророков можно сказать, что они должны вступить в общение с Богом, ибо от него исходит Истина и Правда жизни. Применительно к философским пророчествам – это открытие Истины, лежащей за пределами обычной повседневности» [6, с. 38-39]. А в сознании К. Кинчева царит ложное убеждение в том, что пророк, с которым он себя отождествляет, – это прежде всего герой-бунтарь-шаман-экспериментатор («экспериментатор движений вверх-вниз» [12]), творящий в творчестве-жизни / на сцене сакральный конструктивно-деструктивный «небесно-демонический» обряд-ритуал.

Заключение

На основании сказанного выше, можно сделать следующие выводы. Ключевой характеристикой когнитивно-прагматической программы К. Кинчева является принципиальная непреодолимая, но не осознаваемая им самим двойственность. В связи с этим программа рок-поэта строится на основе синтеза двух противоположных, но взаимосвязанных начал: а) конструктивного – возрождение русской национальной идеи и «потерянных» духовных идеалов («миф-освобождение»); б) деструктивного – разрушение тоталитарной машины подавления личности. При этом К. Кинчев убежден, что конструктивный компонент доминирует, поэтому фактическое саморазрушение воспринимается им как единственно возможный путь продуктивного самоопределения, направленный на возрождение духовных идеалов.

Одной из ключевых форм внутреннего самоопределения К. Кинчева становятся тотальное утверждение и реализация крайне неустойчивого принципа «воинствующего атеизма», основанного на противоположном синтезе богоискательства и «превознесения» своей «самости» (гордыни). Причем совмещение несовместимого на этом этапе формирования самоидентификационной модели воспринимается рок-поэтом как нечто «закономерное» и «гармоничное». Однако в действительности поиск Бога в «своем собственном бытии» подменяется автоматизированным негативным механизмом самоподавления/самоотрицания, контролировать который К. Кинчев не в состоянии.

Тотальное самоотрицание превращает К. Кинчева в «лидера-пророка» «героической квазирелигии», а его самоидентификационную стратегию – в симулятивную модель «деструктивного самообожествления». Ключевые характеристики этой модели можно представить так: 1) «двойственная» «героическая» КПП К. Кинчева порождает «квазирелигию», «пророком» которой гордо выступает сам рок-поэт, однако этот «самоидентификационный пик» на деле становится «самоидентификационным провалом», духовным самоотрицанием; 2) «пророка», присутствие которого ощущает в себе К. Кинчев («пророк остается внутри меня – я это ощущаю...» [11]), можно назвать субъектной проекцией «сущностного я» поэта-человека, обладающего высоким аналитико-интуитивным потенциалом. Но, пророк в глазах «других», поэт внутренне не ощущает себя таковым; 3) «культовая» квазирелигиозная самоидентификация ложна – это ведущая к разрушению личности неустойчивая система симулятивных «копий» («герой», «бунтарь», «шаман», «экспериментатор», «антихрист», «кукловод», «мегазвезда»); 4) несоответствие реального и желаемого (истинного и симулятивного) блокирует конструктивные энергетические импульсы духа, что закономерно приводит к появлению новых «программных ошибок» и разрушению «героической» версии КПП.

Перспективами дальнейшего исследования является изучение процесса преодоления рок-поэтом этого деструктивного несоответствия: для того чтобы «духом преодолеть душу», К. Кинчев вынужден будет перестраивать свою программу, дистанцируясь от псевдоконструктивных энергетических импульсов субъекта-интерпретатора, стимулирующих гордыню («самость» субъекта-источника КПП), и концентрироваться на спасении своей собственной души, что означает отказ от саморазрушения и соблазнов. Наша авторская методология позволяет восстановить этот процесс во всех его значимых фазах и аспектах.

Источники | References

1. Акулы пера: Константин Кинчев (1996) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=twEjj-1Gemg> (дата обращения: 16.01.2020).
2. Алиса. Документальный фильм «XXX лет» [Электронный ресурс]. URL: <http://metalrus.ru/groups/760/post-view/25619> (дата обращения: 25.11.2019).
3. Барановская Н. Константин Кинчев. Жизнь. Стихи. Документы. Публикации. СПб.: Новый Геликон, 1993. 240 с.
4. Бьюдженталь Д. Искусство психотерапевта. СПб.: Питер, 2001. 304 с.
5. Джафарова О. С. Психолого-педагогические подходы к определению самости как ядра творческого самовыражения личности // Science and Education: A New Dimension. Pedagogy and Psychology. 2015. Vol. III. Iss. 46 (23). P. 63-66.
6. Дмитриева Л. М., Лалуев В. Я. Пророчество и пророки в духовной культуре общества // Омский научный вестник. 2006. № 8 (44). С. 34-39.
7. Иванов Д. И. Аффективно-деструктивная модель бунта-разгула «больной» русской души в творчестве К. Кинчева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 8. С. 206-209.
8. Иванов Д. И. Теория когнитивно-прагматических программ / Гуандунский ун-т междунар. исследований (Китай). Иваново: ПресСто, 2019. 312 с.
9. Интервью Константина Кинчева после концерта в Тольятти, 1996 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fxsxxEWMhTI> (дата обращения: 29.09.2019).
10. Кинчев К. Концерт-интервью (видеоверсия), 1988 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=sJfyXLBHoPM> (дата обращения: 27.04.2021).
11. Кинчев К. РокУрок, или Двойной удар (телепередача с участием К. Кинчева), 1995 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=JXxRpP5xIDw> (дата обращения: 06.08.2019).

12. Кинчев К. Тексты песен [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lyricshare.net/ru/alisa-konstantin-kinchev> (дата обращения: 25.09.2019).
13. Колкунова К. А. Теологические корни концепций квазирелигий // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1. Богословие. Философия. Религиоведение. 2012. Вып. 4 (42). С. 62-75.

Информация об авторах | Author information

Иванов Дмитрий Игоревич¹, к. филол. н., доц.

¹ Сианьский университет иностранных языков, Китайская Народная Республика

Ivanov Dmitry Igorevich¹, PhD

¹ Xi'an International Studies University, the People's Republic of China

¹ ivan610@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 14.04.2021; опубликовано (published): 31.05.2021.

Ключевые слова (keywords): когнитивно-прагматическая программа; «героическая» модель; двойственность; квазирелигия; ложная самоидентификация; cognitive-pragmatic programme; “heroic” model; duality; quasi-religion; false self-identification.